

*Посвящается
Мелоди*

1

КАДЕТЫ ГИБНУТ

Древние на Старой Земле часто задумывались над происхождением жизни и создали много мифов, объясняющих эту тайну тайн. Была Муму, богиня-мать, проглотившая огромного змея: он размножился в ней, и девять миллиардов его детей, проев ее чрево, вышли на свет и стали тварями земными и морскими. Был Яхве, бог-отец, создавший небо и землю за шесть дней, причем птицы и звери появились на пятый и шестой день. Была богиня плодородия и богиня случая, именуемая Выборочной Мутацией. И так далее, и так далее. Истина же состоит в том, что всю нашу галактику засеяла жизнью некая раса, названная Эльдрией. Происхождение самой Эльдрии неизвестно и, возможно, непознаваемо в принципе, поэтому тайна остается тайной.

Хорти Хостхох, Хранитель Времени и
Главный Горолог Ордена Мистических Математиков
и Других Искателей Несказанного Пламени.
«Реквием по хомо сапиенс».

Надежда безгранична, но не для человека.
Франц Кафка, фабулист Века Холокоста.

Задолго до того, как мы узнали, что цена мудрости и бессмертия, искомых нами, может оказаться непосильной для нас; когда человек — то, что осталось от человека — все еще походил на ребенка, играющего камешками и ракушками на берегу океана; когда мы стремились разгадать секрет

Старшей Эдды*, я услышал зов звезд и приготовился покинуть город своего рождения и смерти.

Я называю его Невернесс. Основатели нашего Ордена, как рассказывал мне Хранитель Времени, обнаружили участок космоса, где пронизывающие мультиплекс во всех направлениях каналы сплетаются в тугую узел, и решили построить город на ближайшей планете, которую назвали Ледопадом. Поскольку подобные узлы считались крайне редким, а то и вовсе несуществующим явлением — теперь канторы именуют их сгущениями, — наш первый Хранитель Времени объявил, что, если даже они будут странствовать по галактике до скончания времен, более плотного участка им все равно не найти. Никто не знает, сколько биллионов каналов сойдется возле нашего прохладного желтого солнца. Возможно, их число бесконечно. Древние канторы, полагавшие, что их теоремы доказывают невозможность существования бесконечно плотных сгущений, предсказывали, что нашим пилотам никогда не удастся найти подобный топологический объект. Поэтому, когда наш первый Главный Пилот вышел из мультиплекса над маленьким скальным островом, которому суждено было стать колыбелью нашего прекрасного и обреченного города, он назвал его Невернесс в насмешку над неверующими академиками. Канторы, со своей стороны, до сих пор именуют Невернесс Нереальным Городом, но мало кто придает этому значение. Я, Мэллори Рингесс, почитающий своим долгом изложить здесь историю золотого века и величайшего кризиса нашего Ордена, буду следовать традиции пилотов, моих предшественников. Я знал этот город как Невернесс в детстве, в годы своего совсем еще недавнего послушничества; Невернесс — я зову его теперь, под таким названием он и останется.

На четырнадцатый день ложной зимы 2929 года от основания Города Леопольд Соли, мой дядя и Главный Пилот

* Старшая Эдда — собрание древнескандинавских саг. Здесь — первоисточник, ключ к истине. — *Здесь и далее примеч. пер.*

нашего Ордена, вернулся в город после странствия, которое продолжалось двадцать пять лет — на четыре года дольше, чем я жил на свете. Многие, моя мать и тетя Жюстина в том числе, считали его погибшим, затерявшимся в черных глубинах мультиплекса или испепеленным взрывающимися звездами Экстра. Но наш прославленный Главный Пилот всех надул. На протяжении восьмидесяти дней в городе только об этом и говорили. Когда ложная зима вошла в силу и сугробы стали глубже, я постоянно слышал эти разговоры как в барах и кафе Квартала Пришельцев, так и в башнях Академии. Все утверждали, что скоро объявят поиск. Поиск! Для пилотов-кадетов, которыми мы были тогда — на днях нам предстояло принести пилотскую присягу, — это было волнующее время и даже более того: время беспокойства и мучительного ожидания. Все мы в глубине души мечтали и одновременно побаивались, что скоро от нас потребуют невозможного. Все, что вы прочтете дальше, — это хроника невозможного, повествование о мечте, страхе и боли.

Вечером накануне присяги мы с моим толстым ленивым другом Бардо разработали план нашей — вернее, моей — встречи с Главным Пилотом еще до предстоящей долгой и утомительной церемонии. Шел девяносто четвертый день ложной зимы. За стенами нашего общежития выпал снег, окутав белой пеленой территорию пилотского колледжа. Сквозь замерзшие окна я видел башни Ресы и других колледжей, мерцающие в свете заходящего солнца.

— Но почему ты всегда делаешь то, что не следует? — спросил Бардо, скорбно воззрившись на меня своими большими карими глазами.

Мне часто казалось, что его большой выпуклый лоб и глубоко посаженные красивые глаза выражают все обаяние его сложного характера и изобретательного ума. Если исключить эти черты, он был урод уродом, с жесткой черной бородой и красным носом-картофелиной. Он сидел на мягком стуле у окна, облаченный в яркие шелковые одежды. На всех десяти толстых пальцах красовались коль-

ца с камнями разного цвета. По рождению он был принцем Летнего Мира — кольца и стул входили в перечень имущества, доставленного из родового поместья, и служили напоминанием о богатстве и славе, которые были бы его уделом, если бы он не отрекся (или не попытался отречься) от мирских удовольствий ради красоты и ужасов мультиплекса. Когда он закрутил свои длинные усы между большим и указательным пальцами, кольца стукнулись друг о друга. — Почему ты хочешь того, чего получить не можешь? Где твой здравый смысл?

— Я хочу встретиться со своим дядей — что в этом плохого? — возразил я, натягивая черную конькобежную камелайку.

— И почему ты всегда отвечаешь вопросом на вопрос?

— А почему бы мне этого не делать?

Он со вздохом закатил глаза:

— Ты встретишься с ним завтра — для тебя это недостаточно скоро? Мы принесем присягу, а затем Главный Пилот вручит нам наши кольца — надеюсь. Мы станем пилотами, Мэллори, и сможем делать, что нам в голову взбредет. Этой ночью нам положено курить тоалач или найти себе пару смазливых шлюшек — по паре на брата, я хотел сказать — и трахать их, пока соки не иссякнут.

Бардо по-своему был куда более буйным и непокорным, чем я. На самом деле в ночь перед присягой нам полагалось практиковаться в дзадзене, холлнинге и фугировании — дисциплинах, необходимых для входа в мультиплекс (и выживания в нем).

— В прошлую семидесятидневку, — сказал я, — мать пригласила Соли с Жюстиной на обед. У него не достало учтивости хотя бы ответить на приглашение. Похоже, он со мной знакомиться не жаждет.

— И ты задумал отплатить ему за грубость еще большей грубостью? Ну, пьет он со своими друзьями — все знают, как лорд Соли любит выпить и почему он это делает. Оставь его в покое, паренек.

Я надел ботинки. Они застыли, потому что долго лежали на холоде под окном.

— Идешь ты со мной или нет?

— Иду ли я с тобой? Ничего себе вопрос! — Он рыгнул и погладил живот. — Если Бардо с тобой не пойдет, ты ведь один попрешься? — Как и многие летнемирские принцы, он имел привычку говорить порой о себе в третьем лице. — И что тогда? Случись чего, а виноват будет Бардо.

Я затанул шнурки и сказал:

— Я хочу подружиться с дядей, если удастся, и посмотреть, как он выглядит.

— Да какая разница, как он выглядит?

— Мне есть разница. Сам знаешь.

— Не можешь ты быть его сыном, я тебе сто раз говорил. Ты родился через четыре года после его отлета из Города.

Я слышал, что сходство между мной и Главным Пилотом так велико, что меня можно принять за его брата — или сына. Всю жизнь я страдал от этих разговоров. Моя мать, как твердила молва, была когда-то влюблена в великого Соли. Когда он бросил ее ради тети Жюстины, она якобы отыскала в Квартале Пришельцев похожего на него мужчину и родила от этого мужчины сына. То есть меня. Мэллори-бастарда, как шептали послушники в Борхе у меня за спиной, а некоторые, посмелее, и в лицо говорили. По крайней мере до тех пор, пока Хранитель Времени не обучил меня древним искусствам борьбы и бокса.

— Ну и что, если ты на него похож? Ты его племянник.

— Не по крови.

Я не хотел быть похожим на знаменитого, надменного Главного Пилота. Мне претила мысль, что на мне отпечаток его хромосом. Довольно и того, что я его племянник. Я очень боялся, и Бардо знал об этом, что Соли тайно вернулся в Невернесс и использовал мою мать в собственных эгоистических целях. Или... О других вариантах мне думать не хотелось.

— Разве тебе самому не любопытно? — спросил я. — Главный Пилот возвращается из самого долгого за три тысячелетия существования Ордена путешествия, а тебе не интересно узнать, что он такое открыл?

— Нет. Любопытство, слава богу, не относится к числу моих пороков.

— Говорят, Хранитель Времени объявит поиск на нашем посвящении. Ты и об этом ничего не хочешь знать?

— Если поиск объявят, мы, возможно, погибнем все до одного.

— Кадеты гибнут, — напомнил я.

Это был наш девиз — предостережение, выбитое на мраморной арке при входе в Ресу. Цель его — заставить юных кадетов призадуматься до того, как соваться в мультиплекс, и слова эти — чистая правда.

— «Смерть среди звезд — самая прекрасная смерть», — процитировал я изречение Тихо.

— Чепуха! — Бардо хватил кулаком по подлокотнику кресла. — Двенадцать лет я тебя знаю, и ты по-прежнему чепуху городишь.

— Нельзя жить вечно.

— А я вот хочу попробовать.

— Это был бы настоящий ад. День за днем те же мысли, те же тусклые звезды, те же лица друзей, говорящих и делающих одно и то же, необоримая апатия, гнездящаяся в тех же закоснелых мозгах, вечность никчемной, полной страданий жизни.

Бардо замотал головой так, что капли пота полетели со лба.

— Другая женщина каждую ночь — а то и три женщины. Мальчики или инопланетные куртизанки для разнообразия. Тридцать тысяч планет Цивилизованных Миров, из которых я видел только пятьдесят. Слыхал я, что говорят о Главном Пилоте и его поиске. Тайна жизни! Хочешь ты ее знать, тайну жизни? Бардо скажет тебе, в чем она. Не в количестве отпущенного нам времени, вопреки

тому, что я только что сказал. Секрет не в количестве и даже не в качестве, а в разнообразии.

Я, как обычно, дал ему волю, и он сам себя загнал в западню.

— Разнообразие баров в Квартале Пришельцев почти безгранично. Ну так как, идешь?

— Чтоб тебе пусто было, Мэллори! Ясное дело, иду!

Я надел конькобежные перчатки и прицепил коньки. По крепкому полу из красного дерева я двинулся к двери. Коньки оставляли вмятины на фравашийском ковре. Бардо разглаживал ковер шлепанцами, ворча:

— У тебя нет никакого уважения к искусству. — Он тоже надел коньки и застегнул свой черный шегшеевый плащ золотой цепью у горла. — Варвар! — Он открыл дверь, и мы выкатились на улицу.

Мы ехали между Утренними Башнями Ресы, пригнувшись, размахивая руками и механически постукивая коньками по гладкому красному льду. Холодный ветер в лицо был даже приятен. В мгновение ока мы оставили позади гранитные и базальтовые башни колледжа высшей ступени, Уплисы, проехали сквозь мраморную колоннаду западных ворот Академии, и вот город — перед нами.

Он мерцает, мой город, он светится. Невернесс называют самым красивым городом в Цивилизованных Мирах, красивее даже, чем Парпаллекс или Кафедральные города Веспера. На западе, вдаваясь в зеленое море, как расшитый драгоценностями рукав, поблескивают черными зеркалами хрупкие обсидиановые монастыри и хосписы Квартала Пришельцев. Прямо перед нами пенится Зунд, разбиваясь об утесы Северного Берега, и над всем городом высятся блистающие снегом и льдом, пронизанные пурпурными жилами пирамиды Вааскеля и Аттакеля. Ниже полукольца давно погасших вулканов (крайняя и южная вершина, Уркель пониже прочих, но его коническая симметрия почти безупречна) блестят в ярком свете ложной зимы башни и шпили Академии, заставляя искриться весь Старый Го-

род. Наши улицы, как всем известно, покрыты разноцветным льдом, так что белое сияние перемежается оранжевым, зеленым и голубым. «Странны улицы в этом городе боли», — любит цитировать Хранитель Времени, однако эта странность преследует определенную цель. Улицы — точнее, глассады и ледянки — не имеют названий. Так повелось с тех пор, как первый Хранитель Времени объявил, что юные послушники должны готовить свой ум к каналам мультиплекса, запоминая улицы нашего Города. Понимая, что Город неизбежно будет расти и меняться, он разработал план, позволяющий даже долго отсутствовавшим пилотам без труда находить дорогу. План этот как будто прост. У нас есть две главные улицы: Продольная, которая вьется от Западного Берега вдоль всего длинного рукава полуострова к подножию Атакеля и Вааскеля, и Поперечная, ведущая от Крышечных Полей прямо к Зунду. Оранжевые ледянки пересекают Поперечную, зеленые глассады — Продольную. Пурпурные дорожки вливаются в глассады, красные — в ледянки. Не стану запутывать ситуацию, упоминая о двух желтых улицах Пилотского Квартала, однако они существуют. Никто не знает, откуда они взялись — не иначе как первый Хранитель Времени решил пошутить.

Перекресток, расчерченный оранжево-белой клеткой, вывел нас на Поперечную примерно в миле западнее Академии. На улице толклись хариджаны*, червячники и прочие пришельцы. На ходу мы кланялись эсхатологам, цефикам, акашикам, горологам и другим специалистам и академикам нашего Ордена. Пилоты нам не встречались. (Хотя мы, пилоты, как бы иные этого ни оспаривали, представляем собой душу Ордена, мы уступаем числом скраерам, холистам, историкам, мнемоникам, экологам, программистам, неологикам и канторам. В нашем Ордене сто восемнадцать дисциплин, и каждый год к ним прибавляются новые, как будто этих мало.) От двух Подруг Человека шел

* Хариджан в старой Индии — неприкасаемый.

экзотический запах — они беседовали, подняв хоботы и осыпая друг дружку своими пахучими речевыми молекулами. Рядом с нами катился богато одетый алалой — вернее, человек, преобразовавший свое тело под мощного, мускулистого, волосатого алалая. Это возвращение к первобытным формам не выходит у нас из моды с тех самых пор, как знаменитый Гошеван с планеты Летний Мир, устав от своей цивилизованной оболочки, ушел жить в алалойские пещеры на островах к западу от Города. Лжеалалой, несущий на себе слишком много пурпурного бархата и золота, отпихнул с дороги тщедушного хариджана, рывкнув ему: «Ну ты, пришелец, смотри, куда прешь!» Растерянный хариджан, споткнувшись, осенил свой потный лоб знаком мира и шмыгнул в толпу, как побитая собака.

Бардо, посмотрев на меня, печально покачал головой. Он всегда питал странную симпатию к хариджанам и прочим бездомным пилигримам, прибывающим в наш Город ради духовного обогащения (а слишком часто и материального). Подкатившись поближе к варвару-алалою, мой друг мастерски сделал подножку, сталь звякнула о сталь, и алалой растянулся во весь рост. «Прошу прощения!» — со смехом бросил ему Бардо, а потом схватил меня за руку и потащил сквозь толчею конькобежцев, спешивших на ужин в свои излюбленные кафе. Я оглянулся, но пострадавший алалой уже скрылся из виду.

— На Летнем Мире, — сказал Бардо между двумя глотками воздуха, — мы клеймим таких каленым железом.

Мы свернули в Квартал Пришельцев, на улицу Десяти Тысяч Баров. Я говорил, что улицы Невернесса не имеют названий, но это не совсем так. Они не имеют официальных названий, которые значатся на уличных табличках, — но многие, особенно в Квартале Пришельцев, различаются по своим характерным особенностям. Есть улица Резчиков и Расщепителей, улица Публичных Девочек и улица Мастер-Куртизанок. Улица Десяти Тысяч Баров — скорее район, чем улица. Это целый лабиринт красных дорожек